

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ БОГЕМЫ

моск. Правда, -1994- 17 сент. - с. 5.

от Светланы КУНИЦЫНОЙ.
Впервые о книге "НИКО" с невнятным подзаголовком "Последняя из богемы" я услышала в Лондоне. И собралась было встретиться с автором — Джеймсом ЯНГОМ, но русская нерасторопность и природная стеснительность этому помешали.

Когда несколько недель спустя Джеймс Янг по воле случая оказался в Москве, стало ясно (как в хорошем романе), что встречи с ним мне не избежать.

Наше первое (и, увы, единственное) свидание состоялось в романтической полутьме кулис Дворца молодежи. Фестиваль "Бритро-ника", на который Янга поговорили приехать друзья, был в полном разгаре. Из зала доносились несладкие звуки британской электронной музыки. Вокруг пили пиво шумные английские музыканты, не сломленные бесконечным обвалом российского быта. Но ничто не могло помешать нашей тихой беседе.

С.К. Знакомая, вы представляетесь писателем или музыкантом?

Дж. Я. Англичанин сказал бы обо мне так: "Скачет верхом на двух лошадях" (гораздо опаснее, кстати, чем сидеть на двух стульях или даже гнаться за двумя зайцами. — Прим. С.К.). Всегда есть риск, что лошадей понесет в разные стороны. Поэтому нужно править твердой рукой или уж садиться в одно седло. А я выбирать не люблю.

С.К. Когда вы начали писать?

Дж. Я. В Оксфордском университете. Я изучал английскую литературу. И как губка впитывал все самое интересное. Поэтому мои сочинения оказались лишь жалким подражанием тем, чьими произведениями я тогда зачитывался. К счастью, я вовремя понял, что "пою с чужого голоса", забросил писательство и решил заняться музыкой.

С.К. Вы бросили университет?

Дж. Я. Нет, университет я закончил. Готовился к защите диссертации, как вдруг появилась Нико и погубила мою научную карьеру на корню, так что профессора из Джеймса Янга не получил.

С.К. Значит, Нико — "роковая" женщина в вашей судьбе?

Дж. Я. Ну не совсем так.

Внутренне я уже был готов к совершенно новой жизни, отличающейся от моей тихой академической. Мне просто нужен был повод. Или, если хотите, толчок. В детстве меня научили хорошо играть на пианино. И когда наступил творческий кризис, я подумал: "А почему бы мне не стать клавишником в какой-нибудь группе?" И представьте себе — буквально как в мыльной опере — звонит мой старинный приятель, организатор концертов и владелец Манчестерского клуба "Фактори", и говорит: "Слушай, тут певица Нико приехала. Собирает группу. Пойдешь?" Я тут же согласился.

С.К. Вы знали Нико?

Дж. Я. Нет, конечно, мы не были знакомы, но мне всегда нравился ее голос. Правда, был в моей жизни период, когда я считал Нико своим "злым гением".

С.К. Что вы имеете в виду?

Дж. Я. Дело в том, что когда-то у меня была подруга, которая буквально боготворила Нико и все время слушала эдны и те же пластинки — Нико или Леонарда Козна. Нико — Леонард Козн — Нико — Леонард Козн... Я чуть с ума не сошел. И Нико стала ассоциироваться у меня с нудными вечерами и полным отсутствием секса. Пришлось расстаться с Нико, и с девушкой. И вот десять лет спустя грустная певица вновь появилась в моей жизни.

С.К. А как она выглядела?

Дж. Я. Вы помните, какой она была в молодые годы? Длинноногая, белокурая, классический тип холодной немецкой красавицы. И этот потрясающий голос — очень глубокий, очень грустный, очень меланхоличный. Но когда мы встретились в Манчестере, она выглядела совершенно иначе. Не хочется быть безжалостным, ведь все мы стареем. Да и вряд ли это можно назвать работой времени — ведь было ей всего 45 лет — или результатом нелегкой жизни со всеми ее прелестями — наркотиками, бесконечными переездами, безденежьем. Казалось, будто она вовсю старается избавиться от образа пленительной группы (группы — бескорыстные содержанки рок-музыкантов. — Прим. С.К.) 60-х годов. Экзотичная красавица Нико была как бы эротическим символом "Вельвет Андеграунд" и фанатическим образом, придуманным Энди Уорхолом.

Двадцать лет спустя ей хотелось, чтобы люди воспринимали ее такой, какой она была независимо от внешней оболочки или осколков той легенды, которая, как шлейф, тянулась за ней. Да, когда-то она была супермоделью (начинала карьеру манекенщицы у Коко Шанель), среди ее поклонников (и любовников) были Ален Делон (от которого она родила сына), Боб Дилан, Лу Рид, Джон Кейл, Джим Моррисон. Она стянула этот образ, как шелуху. И это немедленно привлекло меня к ней. Я понял, что она — неординарная личность, а не группа, для которой жизненно необходимо крутиться возле знаменитостей.

С.К. Вы упомянули наркотики...

Дж. Я. Увы, в Манчестер она приехала законченной доходягой, изнуренной наркотиками, и тут-то подвернулся мой манчестерский друг, который стал ее менеджером и в каком-то смысле опекуном. Его имя — доктор Деметриус. Разумеется, это не настоящее имя. Просто ему нравилось называться доктором. И потом, представившись доктором, было легко раздобыть наркотики, иглы и шприцы для Нико.

С.К. Вы стали ей другом?

Дж. Я. Нет, скорее коллегой. Она не нуждалась в друзьях. Ей нужны были обожатели, поклонники, общество молодых "ужички". Это подерживало в ней чувство уверенности. Она не любила женщин и всегда говорила, что хотела бы родиться мужчиной. У нее и голос-то был совершенно мужской. Она была космически одиноким человеком, но прекрасно с этим справлялась. Вечно одинокий странник... Все ее вещи умещались в очень небольшую сумку. И она никогда не возила с собой собственные пластинки. Вот видите, у меня в сумке и мой компакт-диск (он называется "Песни, которые никогда не передают по радио". — Прим. С.К.), и книга. А ей на все это было наплевать.

С.К. Вы написали, что никто не приехал из Нью-Йорка на ее похороны. Почему?

Дж. Я. Я думаю, они слишком крутые. Им все безразлично. Или почти все. Я не хочу называть имен, но люди, с которыми Нико когда-либо работала в Нью-Йорке, — настоящие эго-монстры. Никто из них не прислал на похороны даже букет цветов. Или телеграмму... Нас было всего несколько человек на тихом кладбище в пригороде Берлина — ее сын, менеджер, я и парень по имени Лутц, ее давний возлюбленный. И все. Ужасно грустно. Я до сих пор не могу вспомнить об этом без слез...

С.К. Простите, мне совсем не хотелось вас расстраивать... Давайте поговорим о книге. Что заставило вас ее написать?

Дж. Я. После смерти Нико в 1988 году общие друзья попросили меня написать о ней статью для газеты "Гардиан". Как-то незаметно статья разрослась до размеров книги.

С.К. Почему вы назвали Нико "последней из богемы"? Разве богемы больше нет?

Дж. Я. По правде говоря, этот заголовок предложил мой издатель. Мне он совсем не нравится. Это просто дешевый журналистский трюк. По моей просьбе его убрали с обложки, а вот с титульного листа "забыли".

С.К. Мне показалось, что книга "Нико" не только о Нико...

Дж. Я. Я попытался в этой книге рассказать людям, далеким от шоу-бизнеса, о странном мире, в котором живут музыканты. Причем музыканты малоизвестные, вынужденные скитаться по городам и весям в стареньких автобусах и давать концерты в полупустых залах. Я не посторонний человек в этой странной музыкальной тусовке, поэтому и мне легко было написать об этом как бы изнутри, с точки зрения музыканта, а не журналиста. Мне не хотелось писать только о грустном, ведь почти во всем можно обнаружить и смешную сторону. Эта книга для тех, кого интересует жизнь одиноких бродяг, опустившихся доходяг и заблудших музыкантов.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ

Нико не была поп-звездой. "Знаменитая, но не популярная", — такую характеристику дал ей один японский импресарио. На самом деле она не была даже знаменита. Как певица она никогда не зарабатывала много денег, а если что-то и пере-

падало на ее долю — немедленно тратила. У нее не было ни собственного дома, ни машины, ни телевизора, ни одного экземпляра собственных пластинок. У нее была куча приятелей, которые иногда заглядывали в гости, вместе с пирожными и печеньем приносили сплетни, занимавшие ее недолго, и оставались с ней, пока не почувствуют, что в их присутствии уже не нужно.

С ранней юности ей была неведома потребность в участии более или менее близкого существа, что помогает многим скрасить одиночество или побороть скуку. Костюмы от "Шанель", подаренные ей во времена работы моделью в журнале "Вог", уже давно были отвергнуты в пользу универсальной одежды — черного пиджака и черных брюк. Ее пагубная страсть к героину на какое-то время стала психической эмиграцией, дни были заполнены обычным для наркоманов занятием — поисками "своих людей".

На музыкальной сцене Нико оказалась не без участия Брайана Джонса из "Роллинг Стоунз". Ему нравились блондинки германской породы (хотя волосы у Нико были крашенные, а кровь смешанная). Взявшись за руки, они позировали перед восторженной толпой на поп-фестивале в Монтерее, пышно проплывали по главной улице как Король и Королева карнавала. К этому периоду относится ее первая запись (песня "Я не говорю") и ее первая встреча с Энди Уорхолом.

В 1965 году она начала петь в коктейль-баре на 55-й улице в Нью-Йорке и вскоре оказалась в компании Боба Дилана. Богемный Нью-Йорк был тогда поделен пополам Диланом и Уорхолом. По темпераменту Нико больше подходила к лагерю Дилана, ей очень нравились и сам Дилан, и его работа, но романтический интерес Дилана был направлен в другую сторону, и место рядом с ним было занято.

Уорхол, обожавший делать открытия, вытащил на свет группу, исполнявшую в кафе "Бизар" песни с необычными названиями типа "Героин", "Венера в мехах". Это было "Бархатное подполье" (The Velvet Underground). Уорхол решил, что Нико призвана стать украшением "Подполья", и к большому неудовольствию группы, в особенности Лу Рида и Джона Кейла, предложил включить ее в состав. Решено было все же уступить требованиям нового патрона: новые инструменты, бесплатные репетиционные, еда, выпивка, наркотики — за все эти шикарные излишества можно было позволить Нико исполнить пару песен.

Лу Рид написал для нее несколько песен, которые исполнялись в характерном для группы упрощенном стиле агитлисточки ("Все завтрашние вечеринки", "Фатальная женщина", "Я стану твоим зеркалом"), но проблема "кто-то-здесь-делает" стояла всегда. Нико не была инструменталистом, поэтому не могла вписаться в состав после того, как песня заканчивалась. К тому же Лу Рид, лидер группы, был настоящим солистом и сочинял большую часть материала под себя.

— Лу никогда не любил меня, — сказала мне однажды Нико. — Это из-за несчастий, которые мой народ принес ело народу.

Правда, возможно, была много банальнее: Рид не мог допустить, чтобы Нико заняла его место на сцене.

Несколько лет спустя Нико при поддержке Джима Моррисона стала выступать соло, аккомпанируя себе на фисгармонии, и вернулась к своей по-европейски глубоко меланхолической манере исполнения. Джон Кейл, следуя традиции "Подполья", принимал Нико в штыки, однако сделал с ней лучшие ее альбомы — "Мраморный индекс", "Пустынный берег", "Конек", "Камера обскура" (последний альбом с моей аранжировкой).

Впервые я встретил Нико в 1981 году в ныне уже не существующем ночном клубе в Оксфорде, где она выступала перед студентами последнего курса университета, которые преувеличенно превозносили легендарное "Бархатное подполье" и балдели от того, что представилась возможность

загулять в настоящей богемной обстановке — короткая передышка перед началом серьезной карьеры в рекламном или страховом бизнесе.

В суматохе артистической убогой изысканности, как лирические поэты, юноши сходили с ума от "суперзвезды Уорхола", ее бледной губной помады, ловили каждое ее слово, надеясь разгадать секрет этого харизматического существа, — она же тем временем с нарастающим отчаянием шарилась в своей бездонной сумке. Крошечная упаковка героина, на поиски которой была потрачена большая часть дня, исчезла. Проклиная себя за рассеянность, она продолжала неистово копаться в сумке. Неужели придется выступать без привычной уверенности, которую дает наркотик? Когда она встала, чтобы выйти на сцену, я заметил белый пакетик под стулом, поднял его и подал Нико, скрепив таким образом двусторонний договор о доверии, срок которого продлился до конца ее жизни.

Нико продолжала работать вынужденно. Она уже по инерции содержала не только себя, что вконец истощало ее скудные финансы. Тысячи фунтов были выброшены когда-то на грандиозные попойки и оргии с наркотиками. Теперь после трехмесячного турне она оставалась с тем, с чего начинала гастроль: за душой не было ни копейки.

Она не переставала верить, что в самую последнюю минуту судьба придет на выручку, непредвиденное стечение обстоятельств вытащит ее из беды. Порой такое случалось, но все чаще, попадая в очередную переплет, она ударялась о глухую стену. Ее духовные корни уходили в субкультуру битников, разочарованного поколения 50-х, и в наркотическую эйфорию поколения 60-х. Но сумасбродству пришел конец, и поколение 80-х со своей холодной расчетливостью менее всего было расположено протануть руку нескольким уцелевшим неприкаянным "отставникам".

Для всех, кто проводил с ней хоть какое-то время, было очевидно, что Нико — чудовище. Если она просила в долг, это вовсе не означало, что она намерена вернуть вам деньги; если даже она снисходила до того, что благодарила вас за оказанную любезность, ее "спасибо" было настолько откровенно "дежурным", что даже казалось милым.

Мне довелось знать Нико последние десять лет ее жизни. К тому времени у многих иссякло терпение, другие потеряли к ней интерес. То, что прежде можно было отнести к самовлюбленности модной красотки, превратилось в утомительный и лишенный всякого достоинства эгоизм. В общем, она перестала быть загадочной чаровницей. Как смела она в таком случае капризничать и раздражаться? Черты ее лица, размытые годами наркомании, уже слабо напоминали о "ледяной германской красоте", педантично описанной в летописях при дворе Великого Виголы. "Темная тевтонская душа", которая добавляла сбивавшую с толку горчинку в сладкий до тошноты шипучий

напиток, похоже, превратилась в нелепое подобие нигилизма, намекавшего на самую настоящую опустошенность.

Все мы находились под ее влиянием. Это может прозвучать странно, но несмотря на ее чудовищный эгоизм и абсолютное пренебрежение к окружающим, в Нико было что-то удивительно чистое. В ней было колоссальное средоточие воли (безусловно, ничего общего с волей в общественном понимании), бескомпромиссное, обезоруживающее стремление к правде. Наверно, она действовала на нас косвенно (никто из нас не хотел стать похожим на нее неблагодарным себя-любим), она помогала нам рисовать карту нашей новой жизни, очень далекой от господствовавшего в 80-е годы рационализма.

Февраль 1982.

Подготовлено к публикации на русском языке Елизаветой ДОМБАЯН. Отрывки из книги "Нико" читайте в журнале "Амадей", 1994, №1.

Нико

17.9.94.